

ГЕРЦЕН

Оригинал здесь: [VIVOS VOCO](http://VIVOS.VOCO).

Это было в поездку между Веной и Подволочиском. По всей Европе вы летали с экспрессами, носились, как вихрь, - от Вены к Подволочиску * поезд идет медленно, словно нехотя, - и колеса стучат: - Читайте! Читайте!

** На этом перегоне поезд пересекал границу Российской империи. - V.V.*

Во всех купе читают, читают жадно, глотают, захлебываются и, не доходя Подволочиска, из всех почти окон полетят русские книги, брошюры, листки. Обе стороны полотна усеяны книгами. Жителям Подволочиска есть из чего свертывать папиросы! Если бы они захотели, они могли бы составить себе огромнейшую библиотеку.

И что за странная была бы эта библиотека! В ней "Былое и думы" Герцена стояли бы между сборником порнографических стихов и книжкой какого-то полоумного декадента, который вопиет:

- Разве террор для террора не полон уже, сам по себе, красоты и величия?

Порнография, дикий, кровавый бред и благородные мысли, - все свалено в одну кучу!

В этом "читательском поезде" я познакомился с Герценом.

Уже от предисловия "С того берега" кровь бросилась мне в голову, слезы подступили к горлу.

Передо мной открылся новый мир, как открывается новый мир всегда, когда вы открываете гениальную книгу.

Передо мной, счастливым, радостным, взволнованным, вставал, в величии слова и мысли, новый для меня писатель, мыслитель, художник - умерший, бессмертный. Какое благородство мысли, какая красота форм!

И эту книгу я должен буду выбросить перед Подволочиском в окно, как порнографическую брошюру! Из-за чего?

Разве мир не шагнул вперед за те тридцать лет, как умер А.И. Герцен?

Разве не многое из того, что осуждал он, осуждено уже историей?

Разве во многом его книги не обвинительный акт, по которому уже состоялся обвинительный приговор истории? Из-за чего же?

Неужели из-за рассеянных там и сям личных нападок, которые, потеряли теперь уже весь свой яд, потому что те, в кого они были направлены, уже давно померли?

Да разве ж в этих резких строчках Герцен-мыслитель, Герцен-художник, Герцен-великий патриот, отличающийся от патентованных патриотов тем, что он любил свою родину просвещенной любовью?

Разве этот великий ум, благородное сердце, великий мыслитель, несравненный художник, друг и поборник всего прекрасного, волнующий кровь благороднейшими желаниями и наполняющий ум благороднейшими мыслями, опьяняющий любовью к людям, не был бы Герценом, если бы из-под его пера не вышло нескольких обидных для личности строк? Разве в этих строках весь Герцен? И перечитав еще раз, на прощанье, предисловие "С того берега", я с завистью подумал о том потомке, который будет, счастливцем, свободно воспитывать свой ум и свое сердце на Герцене и читать его так же невозбранно, как читаем теперь князя Мещерского и "раскаявшегося" господина Тихомирова.

Но поезд подходил к Подволочиску, я отворил окно, - простите сентиментальность, поцеловал книгу, зажмурился и выбросил ее в окно.

Зажмурился, - потому что и теперь, через много лет, один на один с самим собою, я краснею при этом воспоминании.

Так тяжело уничтожать книгу, конечно, если не занимаешься этим специально. Словно убиваешь человека. Хуже! Убиваешь лучшее, что есть в человеке, - мысль. Сотни тысяч людей прочли бы эту книгу, эти мысли, эти чувства, - и ты отнимаешь у сотен тысяч их достояние.

Я выглянул в окно. Книга белела около полотна, вдали. Она осталась по ту сторону границы. Бедный Герцен!

Окруженный поклонением, славой, он так тосковал, так страстно, безумно тосковал по своей бедной, занесенной снегами родине.

И через тридцать лет он не может вернуться на родину.

Теперь, когда много приговоров пересмотрено историей, о нем приговор еще не пересмотрен.